

Гу Чжэнь снова очнулся, разбуженный голосом 007, и первое, что он ощутил, это чувство скованности в руках и ногах. Когда он окончательно пришел в себя, то понял, что снова оказался в Небесной темнице, где его уже держали раньше. Однако на этот раз его приковали к стене, словно распяли, а официальную одежду сняли, заменив на грубую тюремную робу из белой холщовой ткани с иероглифом «заключенный».

Он попытался пошевелиться, но цепи, прикованные к стене, крепко держали его конечности, и каждое движение сопровождалось звонким, но тяжелым звуком металла, отдающимся эхом в подземелье.

Гу Чжэнь тупо посмотрел на свои запястья, и на его лице появилась горькая улыбка. Он даже не хотел тратить силы на размышления.

— Ну наконец-то ты очнулся, а то так бы и унесли тебя на плаху без сознания, — раздался голос.

— Седьмой брат, ты правда не уйдешь? — спросил Гу Чжэнь.

007 на мгновение замолчал, но в конце концов сказал правду:

— Эр Чжэнь, мы с тобой как братья, поэтому скажу прямо. Для меня это как первый раз на сцене — я не знаю, как уйти, и к тому же я потерял связь с главным управлением.

Гу Чжэнь не успел ничего сказать, как 007 продолжил:

— Я проанализировал ситуацию. По логике, когда ты сказал Си Юэ и Е Жаню, что ты не прежний Гу Чжэнь, я должен был получить предупреждение, но этого не произошло. Возможно, это нормальный ход событий, и даже если бы ты не сказал, Си Юэ и Е Жань все равно бы узнали.

Он снова замолчал:

— Но есть и другая возможность: нас обоих просто бросили.

Гу Чжэнь усмехнулся:

— Ну что ж, похоже, нам остаётся только спеть лебединую песню.

— Но я все же думаю, что ситуация не безнадежна. Какое задание обходится без трудностей? Разве они просто бросят меня из-за пары неудач? Не думаю, — сказал 007.

Гу Чжэнь не стал развивать эту тему. Опустив голову, он тихо произнес:

— Седьмой брат, скажи, я ошибся? Может, я слишком вжился в роль?

— А? — удивился 007.

— Этот мир изначально был фальшивым. Я просто случайно попал в этот сценарий. В конце концов, мне все равно придется уйти, а сейчас я просто провалил задание. Зачем мне из-за всего этого переживать? Ты ведь согласен?

— В твоих словах есть доля правды...

— Эх, лучше бы я оставался без сознания, как в прошлой жизни, когда я просто спал, а потом

меня прихлопнули, верно?

— Не болтай ерунды до самого конца, — повторил 007.

Скоро наступил канун Нового года, и этот день был не только началом нового года по лунному календарю, знаменуя переход Цзяньюня от шестого к седьмому году, но и важным днем для поклонения предкам и Небу.

Цзяньюнь был второй по величине страной среди семи великих государств, и хотя он уже находился на грани краха, даже умирающий верблюд больше лошади. Цзяньюнь внешне поддерживал дружественные отношения с другими странами. В этот день многие государства прислали своих послов, чтобы вместе отпраздновать, и округ Жунсюань был полон жизни. В знак великодушия императорского двора Цзяньюня, в этот день часть охраны была снята, и обычные люди, имевшие время и деньги, могли собраться здесь, чтобы вместе насладиться праздником.

В это время Гу Чжэнь, как главный герой спектакля, находился в клетке для заключенных, которую везли к алтарю для поклонения предкам.

День был редким солнечным днем, словно само небо праздновало Новый год вместе с Цзяньюнем. Гу Чжэнь, долгое время не видевший солнца, чуть не заплакал от яркого света, выйдя на улицу. На нем была только грубая тюремная роба, и он дрожал от холода. 007 с самого утра вошел в состояние готовности, не тратя энергию до последнего момента. Он не только не дал Гу Чжэню никаких усиления, но и не произнес ни слова. Так Гу Чжэнь, дрожа, был доставлен к алтарю.

Пройдя через Врата Сиша, они вышли на огромную площадь, размером примерно с четверть Императорского сада. На восточной стороне стояли огромные слоны, украшенные золотой тканью, спокойно стоящие рядом со своими погонщиками. На западной стороне выстроились в ряд музыканты в золотых доспехах, держащие золотые рога. На южной стороне была огромная толпа всадников на прекрасных конях, полных энтузиазма и воинственного духа. А на северной стороне, у Врат Сиша, стояли в ряд хорошо вооруженные императорские гвардейцы, чьи копья отражали холодный свет.

Как бы то ни было, Цзяньюнь умел делать все с помпой, подумал Гу Чжэнь.

Его привезли в центр площади. Он почесал волосы, собранные в пучок, и посмотрел вверх. На месте, где должен был сидеть император, теперь находился Гао Сю, а рядом с ним стояли важные чиновники, послы других государств и, конечно, Хэ Сюйлян.

Сегодня он, казалось, присутствовал как военачальник, не в официальной одежде, а в золотом и серебряном доспехе, с серебряными волосами, собранными в прическу. Ему не предоставили место для сидения, и он стоял рядом с Гао Сю, держа в руках длинное копьё.

Гу Чжэнь долго смотрел на него, невольно раз за разом думая:

«Если бы ты всегда мог стоять рядом со мной, как сейчас, как бы это было прекрасно...»

В этот момент музыканты из Музыкальной мастерской бессмертных заиграли протяжную древнюю мелодию, и рога также зазвучали в унисон. Весь округ Жунсюань погрузился в море праздничной музыки. Гу Чжэнь, сидя в клетке, подперев подбородок рукой, наблюдал за всем этим, словно смотрел фильм или читал историю. На его лице была легкая улыбка. Он когда-то очень старался вписаться в эту историю, но так и не смог. А теперь, когда он хотел уйти, ему

приходилось расплачиваться жизнью.

Он подумал, что жалеет, что не избавился от своей невинности, когда у него было столько возможностей.

Эх, как же досадно.

Когда музыка закончилась, министр ритуалов поднялся со своего места на возвышении, сделал несколько шагов вперед и громко объявил:

— Сегодня, тридцатого декабря шестого года Цзяньюня, проходит церемония поклонения предкам. Поскольку здоровье императора слабо, эта церемония будет упрощена. В знак великодушия императорского двора объявляется всеобщая амнистия. Цзяньюнь процветает, и я с гордостью прошу канцлера Цзяньюня, Гао Сю, зажечь благовония от имени императора, чтобы попросить предков благословить Цзяньюнь на тысячу поколений и вечное процветание.

В этот момент огромные солнечные часы в центре возвышения показывали время «Сыши». Солнце уже поднялось высоко, и откуда-то раздался звук барабанов, а рога снова зазвучали. Гао Сю в одиночестве поднялся на алтарь, зажег несколько благовоний и начал поклоняться.

Хэ Сюйлян посмотрел на яркое солнце, его лицо было серьезным, и казалось, что он о чем-то размышлял.

Церемония поклонения предкам длилась недолго, и вскоре министр ритуалов снова заговорил:

— Благодаря благословию предков, судьба Цзяньюня процветает. Начиная с седьмого года Цзяньюня, Цзяньюнь и Пять Янь и Гаолю будут делить территорию. Объявляю Верховную жрицу Пяти Янь и Гаолю, Ин Нюй!

Эти слова вызвали всеобщий шум. Гу Чжэнь высунул голову, чтобы посмотреть в сторону, где на краю дорожки, выложенной нефритовой плиткой, постепенно появилась фигура.

Это была Минь Юйсинь.

Сегодня Минь Юйсинь была одета в церемониальное одеяние, сложное и величественное, ее волосы были уложены в замысловатую прическу, а лицо покрыто торжественным макияжем. На лбу у нее был узор из цветов, слегка отливающий кровавым оттенком. В правой руке она держала золотой посох, навершием которого была полупрозрачная жемчужина — Бессмертная жемчужина белого ян.

Гу Чжэнь скучающе наблюдал за этим, думая:

«Вот почему я не смог найти информацию о Минь Юйсинь. Оказывается, это было ложное имя. А я еще хотел устроить Хэ Сюйляну роман, но оказалось, что это не Си Юэ и не Жу Сюэ, а эта Верховная жрица, которая внезапно появилась из ниоткуда».

Эх, этот сюжет совсем вышел из-под контроля.

Минь Юйсинь, или, скорее, Ин Нюй, поднялась на возвышение, взяла свиток у слуги и торжественно прочитала:

— Тридцатого декабря шестого года Цзяньюня, пятнадцатого июля восьмого года Пяти Янь и Гаолю, я, как Верховная жрица, от имени королевской семьи и народа Пяти Янь и Гаолю,

объявляю о добровольном подчинении Цзяньюню, объединяя наши территории, ресурсы и народ с Цзяньюнем, чтобы вместе процветать и разделять общую судьбу.

Как бы то ни было, для народа Цзяньюня это было как манна небесная, и вскоре зрители, пришедшие посмотреть на зрелище, начали радостно кричать. Гу Чжэнь подумал:

«Хотя сюжет немного изменился, некоторые вещи остались прежними. Например, подчинение Пяти Янь и Гаолю все так же нелепо, и, вероятно, оно произошло благодаря внешности Хэ Сюйляна».

Он был настоящим мастером на все руки — мог и на поле боя сражаться, и в театре играть! Какой универсальный талант!

<http://bllate.org/book/16782/1543780>